

*Все совпадения с реальностью случайны,
события и персонажи вымышлены*

Есть ситуации, на которые я могу повлиять, и те, на которые я уже повлиять не могу. Не дай бог мне эти ситуации перепутать.

ПРОЛОГ

Фудзи

А ведь раскрутили Фудзи иностранцы. Приехали, увидели ровную красивую пирамиду и влюбились в гору. И японцев заставили присмотреться к горе более тщательно. До Фудзи почитали гору Цукуба. Цукуба-сан. Японцы любят асимметрию: им не очень понятны ровные линии, что-то в них есть для японцев противоестественное. Куцуба-сан с ее двумя вершинами понятнее и привычнее. Две вершины, два храма, посвященных прародителям Японии, главным богам синтоизма — богу мужского начала Идзанаги и богине женского начала Идзанами. Обе горы видны из Токио. Все зависит от погоды и ветра.

И все же иностранцы выбрали Фудзи. И потянулась череда туристов и почитателей. Японцы быстро смекнули свою выгоду, озаботились сувенирной продукци-

ей, проложили туристические маршруты, и маховик машины завертелся. И вот теперь каждый, кто приезжает в Японию, обязан посетить Фудзи. Но... Гора показывается далеко не всем. И не в богах тут дело. Опять же природа и погода влияют. Светлана порой наблюдала, как плачут туристы: горько и навзрыд. Да уж. Люди, возможно, всю жизнь деньги копили, мечтали. И вот на тебе! Она им вынуждена указывать рукой на белое облако: «Вот здесь находится Фудзи».

Светлана, поживаясь, вбежала в автобус. Как же она замерзла! Ветер сбивал с ног. Для Фудзи это было обычное дело. Холодно и темно. На месте туристов она не вылезала бы из автобуса. Совершенно дурацкие мысли! Она зарабатывает деньги именно потому, что туристы из автобуса выходят и на ту самую гору смотрят. Все же выходят или вылезают? Откуда у нее вдруг это словечко? Ах да, у Константина Симонова прочитала. Как раз про японскую поездку. Вылезли из поезда, залезли в самолет. Может, в то время такие поезда и самолеты были, что туда именно залазить и вылезать нужно? С трудом. Она представила высокого Симонова, военную форму, тяжелый кожаный плащ, сумку из такого же материала на длинном ремне через плечо. Да. Точно залазить!

Как хорошо, что она сегодня захватила теплый жилет. Светлана давно уже определила свой стиль как спортивный. Это японки пусть наряжаются. Ей не до того. Легкие кроссовки, полотняная сумка. Ничто не имеет веса, отсюда и легкая походка: и не так тяжелы

километры, которые она накручивает с туристами за день.

Она заходила в автобус последней. Специально еще постояла минут пять, взглядываясь в крошечную темноту. Так положено. Хоть она и предупреждает о том, что никто и никого не ждет, но пока такого не было. Но она всегда боялась. Боялась и ждала, что когда-нибудь это случится. С этой группой сразу возникло внутреннее напряжение. Она пыталась понять, от кого оно исходит. Что с этими людьми не так? Вроде бы обычные туристы. В основном все парами. Но пары все какие-то хмурые: в себе и закрытые. Никто из пар не познакомился друг с другом, никаких компаний не сложилось. А ведь их поездка подходила к концу. Она видела эту группу в самом начале. Потом они уехали колесить по стране, а сейчас заканчивали свой тур опять с ней, на Фудзи.

А эти просьбы притормозить и побыть у леса Дзюкай? На нее тогда повеяло реальным холодом. Она поняла: в группе есть человек, который готов остаться. Но она сказала себе: «Это не твое дело. У тебя есть инструкция. По инструкции ты можешь этого не делать». Она всегда мысленно прощупывала группу и делала остановку у Дзюкай только тогда, если была абсолютно уверена, что ничего не случится. Подъезжая к лесу, осознала: нет, нельзя. Просто по ощущениям. Кто-то из группы всерьез интересовался лесом самобийц. Но они проскочили. Она даже обрадовалась, когда увидела, что кто-то не стал выходить на Фуд-

зи из автобуса. И все же они странные. В такую даль ехать и в итоге не выйти из автобуса.

Светлана, не закрывая за собой дверь, по привычке улыбнулась, слегка поклонилась водителю и начала пересчитывать людей и слегка продвигаться по салону. Группа немаленькая. Ровно двадцать два человека. Хорошо, что все взрослые и разумные. А ведь бывает, что приезжают с крохотными детьми. Ни о себе не думают, ни о детях, ни о других туристах. Про экскурсовода таким уж и совсем неинтересно. Зачем про них думать? Экскурсоводы — обслуживающий персонал.

Вадим приобнял Лизу.

— Замерзла? Ты довольна?

— Да. И в основном тем, что ты все-таки вернулся!

— Ну ты даешь! Куда бы я делся?

— У тебя был какой-то заговорщицкий и одновременно отстраненный взгляд, когда ты понесся вверх по лестнице.

— Да ладно. Но, знаешь, я очень благодарен тебе за эту поездку. Даже не ожидал, что пойму для себя что-то настолько важное.

— А я все-таки ожидала другого. Смотри, опять считает. Как в детском саду.

Вадим замотал шарф вокруг горла, пытаюсь согреться, и подумал: «Скорее бы вернуться в отель!» Поскорее все равно не получится. В лучшем случае часа через полтора, а то и два.

Как интересно она все же считала людей! К каждому поворачивала ребром ладошку. Ах ну да! Не паль-

цем же тыкать. Приличная, стало быть, женщина. Интересно, сколько ей лет? Что она про себя рассказывала? Что она здесь уже девятнадцать лет? Получается, лет сорок. И его Лизе сорок. Лиза выглядела по-другому. А эта Светлана, наверное, моложе. Но Лиза ухаживающая, красивая.

Автобус начал медленно двигаться с места.

Это произошло совершенно неожиданно. Резко остановился автобус, потом громкая японская речь Светланы, обращенная к водителю. А дальше по-русски.

— Где Рита?! Маргарита?! Да проснитесь же вы! Где она? Кто ее видел на Фудзи? С кем она ходила?

Пассажиры автобуса мгновенно проснулись, стали подниматься с мест, оглядываться по сторонам. В автобусе включился верхний свет. Маргариты не было.

МОСКВА

Вадим

Двадцать лет – это очень большая разница? Больше тут плюсов или минусов? Вопрос, с которым Вадим жил постоянно. Все последние семнадцать лет. То казалось, что все идеально. И именно от Лизы он напитывается энергией молодости, именно от нее брал всю свою жизненную силу. А иногда было совершенно наоборот. И казалось, что постарел он в последнее время от ее неумной активности. Ему бы полежать, поспать часок-другой, а тут: несись туда, несись сюда. Примирял их со всеми недоразумениями Артем. Их Темыч. Глядя на сына-подростка, Вадим забывал и про возраст, и про разницу, и про то, что люди скажут. Он обожал сына, и тот платил ему тем же. Сам Вадим не помнил свои отношения с отцом. Его не стало, когда мальчику было четыре года. Что он там мог помнить? Наверное, и его собственный ребенок таким поздним получился из-за

того, что Вадим себя в этой роли никак не представлял и не видел. И заявление Лизы, что «рожать она будет, а если он против, то и ладно», скорее испугало, а не обрадовало. Но она тогда добавила, что рожает потому, что любит.

Помнится, тогда он опешил. Обычное дело — роман со студенткой. Сначала ему казалось: ничего не обещающий. Проходной. Вадим уже привык к своей холостяцкой жизни, и она его полностью устраивала размеренностью. Он был педантом во всем и не хотел ничего менять. Но в какой-то момент он понял, что Лиза — другая. И отношение у него к ней иное. Только вот решение всегда должен принимать он сам. А тут его вроде как поставили перед фактом. Он тогда довольно быстро вышел из ступора и прояснил, что польщен и ему приятно, что она его любит и готова сама взять на себя всю ответственность. Но ему нужно было время. И он просил разрешения с этой мыслью свыкнуться. Он даже взял неделю за свой счет в институте. Благо время было не горячим, ректор, вздохнув, отпустил.

Вадим неделю лежал на диване и смотрел по сторонам. Да. Квартира пятьдесят шесть метров. Для одного — вполне нормальная квартира. Две комнаты, большая лоджия, достаточно современная кухня. И вот придет еще один человек. На какое-то время. А потом, стало быть, еще один. И все на эти самые пятьдесят шесть метров. Ему сорок четыре года, он занимался наукой и, как правило, работал по ночам. А по утрам пил кофе. Причем в определенное время и определен-

ной температуры. Для него было настоящей проблемой, если кто-то вдруг позвонит во время его легкого завтрака. После разговора кофе уже остыл. И как теперь быть? Он выливал тот, что собирался пить, и варил новый, пытаясь взять себя в руки и сказать, что ничего страшного не произошло. И двадцать минут у него всегда в запасе на экстренные ситуации. В жизни он любил четкость. Все должно быть спланировано. Он не против перемен! Но согласно плану.

Это что же получается? Придется двигать мебель? Или, еще чего не хватало, убирать диван? Ну это совершенно невозможно. Диван был из прошлой жизни. Его покупала еще бабушка. Синий, с ручками из натурального ореха. И, кстати, невероятно удобный. И потом его спальня? У него достаточно узкая кровать. Ее тоже нужно будет менять. И потом балкон. Его просторная лоджия. Да, это очень важно. У него на балконе журнальный столик и кресло. Место для курения. Неужели и этого он мог теперь лишиться?

Вадим вздыхал все тяжелее. Он и сам понимал, вопрос не стоял, что отвечать Лизе. Он планировал свою новую жизнь. В голове все же мысль одна. Как порядочный человек он должен. К сорока годам такая ситуация произошла с ним впервые.

Еще немного полежав на удобном синем диване, он позвонил маме.

— Белла Павловна? Как вы?

— Да ничего, все в норме, Вадя. А к чему такой официоз?

— Хотел сделать тебе предложение.

— Любопытно. Ты приглашаешь меня в консерваторию?

— Если ты хочешь, то в консерваторию я тебя бы тоже пригласил, а сегодня я готов наконец поменяться с тобой кроватями.

— Господи, не верю своим ушам. У тебя появилась девушка!

— Да, — вздохнул Вадим. — У меня вдруг появилась беременная девушка.

— Ох. Вдруг такие вещи все же не происходят. Ты меня огорошил! Подожди, я приеду.

— Ни в коем случае. Я пока еще ничего не решил. Я просто размышляю. И должно сойтись несколько факторов.

— Например, согласна ли я поменяться кроватями?

— Между прочим, и это тоже.

— Хорошо, хорошо, я согласна. Считаю, один вопрос ты уже решил. А дальше. Кто она? Что? Естественно, она твоя студентка из общежития.

— Вы очень проницательны. Она аспирантка из общежития. Это лучше?

— Ненамного. Еще какая информация?

— Звать Лиза. Понимаешь, я как-то не очень внимал.

— Так, может, лучше все же вникнуть, чем лежать на диване и звонить мне?

— Ты мне близкий человек?

— Да.

— Тогда ты меня сейчас выслушаешь, а больше я про это уже ничего рассказывать не буду. Но могу же я немного покапризничать или ты мне не мать?

— И я тебе мать, и капризничай, конечно... На то мы матери и есть. И все же крепко подумай. Хотя ребенок — это счастье. В любом случае.

Ровно через неделю он представил Лизу матери.

— Милая, а вы совершенно очаровательны... — говорила будущая свекровь, разражаясь счастьем.

— Белла Павловна, Лиза подумает, что вы готовились к чему-то худшему.

— Деточка, не обращай внимания на этого дурака. Плевать на то, что он мой сын. У меня наконец-то появилась единомышленница. Если женщина есть в коллективе, она горы свернуть может.

Семейный обед был по всем правилам. С пирогом и вареньем.

На прощание уже целовались, и обе женщины всплакнули. Надо же, как быстро они нашли общий язык, подумал Вадим. Главное, чтобы мать сумела направить мысли Лизы в нужное русло и обрисовала характер и привычки Вадима в общих чертах. Или ладно? Пора выбираться из скорлупы вечности? Сколько можно жить той старой историей? К тому же он почти молодой отец.

На шестидесятилетие Лиза подарила Вадиму тур по Японии. Ох уж эти женские подарки! Восток никогда не был его мечтой. Он был в Японии один раз: его пригласили в качестве консультанта-химика, и особого

впечатления тогда страна на него не произвела. Лизу же его рассказ о Японии тогда почему-то потряс. И она начала мечтать о Стране восходящего солнца. Жена мечтала, а он регулярно отказывался. Дорого, и даже не это главное. Долго лететь. Непонятно куда, неизвестно зачем. Опять же неделей тут не отделаешься. И вот на тебе! Но, как говорится: дареному коню в зубы не смотрят.

Матвей

— Вставай, засоня! Восемнадцать лет бывает раз в жизни!

На самом деле Матвей уже не спал. Он проснулся с полчаса назад, вспомнил про день рождения и улетел мыслями в сторону Зиночки. Позвонит или нет? Ведь сегодня у него день рождения! Да, вчера расстались холодно. Девушка, как всегда, круто развернулась и удалилась, не попрощавшись. И что за человек? Вечно вот так на полуслове — раз, и привет. А он стой и думай. Что это было? Друг Григорий давно уже выдал свое резюме: «Раз непонятно, тут и понимать нечего. Не заморачивайся! Сколько можно находиться в вечном стрессе? Думаешь только о ней. Брось!»

— Думать?

— Зиночку брось!

Ну как ее бросить? Только от одних мыслей про Зиночку тепло разливалось по всему телу. И дыхание за-

мирало. Как это могло быть? Когда одновременно и радость, и боль, и неуверенность, и такая сила внутри — готов горы свернуть. И силы те давала Зиночка. Не будет Зиночки, где сил взять? Батарейка такая. Нет. Зиночку бросить никак нельзя.

Рядом с кроватью строем стояла вся семья. Улыбающиеся родители: мама в халате, папа в тренировочном костюме и крошечный Федька, ясное дело, ничего не осознающий еще в ночной пижамке со смешными медвежатами. Он улыбался за компанию.

Родители хором спели:

— Хэппи бездей ту ю!

Какие они у него все же классные! Молодые, активные, красивые, еще вон и братишку ему заделали. Федор, чтобы не отставать, издал воинствующий клич. Мол, тоже спел. Родители благосклонно погладили малыша по пушку на голове.

— Милый наш, дорогой Матвей, — начала мама. — Мы тебя очень любим. И бесконечно гордимся. Мы надеемся, наш подарок тебе понравится.

— Маэстро, туш! — присоединился отец.

Мама мгновенно подхватила:

— Та-та-та!

И в руках Матвея каким-то образом очутился конверт.

— О! Сюрпризики!

Он с любопытством заглянул внутрь. Пачка красивых цветных бумажек выпала на кровать. Он понял все сразу и аж задохнулся от радости.

— Япония! Что это? Как?!

Матвей мгновенно вскочил с кровати. Так и стоял в боксерках и со всклокоченными волосами, разглядывал авиабилеты.

— Да! Ты едешь в Японию! В конце октября! Сезон красных листьев.

— Подождите, подождите. То есть как же? Нет, но это же денег тонна.

— Ну, у нас всего лишь один старший сын. И он с детства бредил Японией. Сакура — действительно неподъемная по цене. А осенью вполне даже возможно. Опять же ты знаешь нашего папу. Он получил хорошую скидку.

— Но а как же вы, а? Получается, что я еду туда один, да?

— Выходит, что так. Но ты же взрослый! Когда-то нужно начинать. И Федька точно такой перелет не выдержит. Да и наш бюджет тоже. Но ты же будешь нам слать фотографии без перерыва!

— Ну даете, вы — лучшие родители на свете!

Он выхватил Федора у отца из рук и закружился с ним по комнате в ритме вальса.

— Япония! Я еду в Японию. Федька, ты веришь?

Отец незаметно обнял маму. Как же приятно делать такие подарки! Как вымахал их старший сын!

Уже по дороге в университет Матвей поймал себя на мысли, что ни разу не вспомнил про Зиночку. А может, прав друг Григорий? На фига она ему сдалась? Не зря говорят японцы, что главное у человека находит-

ся не в сердце, а в животе. Что там в этом сердце? Одни переживания. А живот — это жизнь. И ради какой-то там Зиночки он никогда сеппуку делать не станет.

В вагоне метро он опять достал из рюкзака программу тура. Невероятно! Семь городов, ночь в монастыре. И... Фудзи-сан! Этого просто не могло быть!

Инецца

— Мама, ты только что вернулась из Китая.

— Побойся бога, я была там летом.

— Ну! А сейчас осень!

— И что? Для матери жалко?

— Ты знаешь, мне для тебя ничего не жалко. Дело не в том, но перелеты... Это же вредно для здоровья.

— С чего это ты вспомнил про мое здоровье? Когда меня в эту трущобу переселял, чего-то про здоровье не думал. Живу, как последняя сволочь в этом засранном доме!

— Господи, о чем ты говоришь? У тебя рядом парк. И чудесный рынок. Ты хотела и дальше жить в коммуналке?

— Про кладбище забыл! Ты на эту коммуналку две квартиры купил, не забывай! На мои кровные метры! Хорошо, отец не дожил.

— Мама, во-первых, на тех кровных метрах прописаны мы были все вместе, во-вторых, две комнаты

получил отец на службе, ты же никогда не работала. Но это и не важно. Мы эту квартиру выбирали с тобой вместе. Сколько вариантов мы рассмотрели? Сто?

— Вот! Если бы сто! Согласились на тринадцать! Мне сразу то число не понравилось.

— Да. Это был единственный недостаток.

Инесса Васильевна тяжело вздохнула. Куда-то она разговор завела не туда. Она ж про Японию сына вызвала. Еще она немного так поскрипит и напрямик отправится на Селигер. В палатку. Хорошо еще противная невестка не в курсе, что ее безумные поездки оплачивал сын. Он ей лепит, что у мамы деньги, мол, от отца остались. На них и катается. Да! Каталась и будет кататься, и нечего тут ей на возраст указывать. Шестьдесят пять лет — это вообще не возраст! Это, можно сказать, расцвет. Она еще им всем покажет. Она еще замуж выйдет. Да. За иностранца! Вот за японца и выйдет.

— Короче. Что мы все про эту квартиру? Лучше подумай про Японию. Я там про сакуру прочитала. Мне подходит. Вон прямо распечатала. Но до сакуры ждать полгода. А если осенью ехать, вроде тоже красиво. И горящие путевки. Ну что тебе, жалко для матери, что ли?

— Да не жалко мне! О тебе же думаю!

— А если думаешь, я поеду!

И Инесса Васильевна с силой стукнула сына по груди пачкой бумаг.

Марго

Марго жила Японией с детства. Как и многие ее ровесники. Мультяшки, комиксы, манго. Она уже не помнила, когда впервые посмотрела «Мой сосед Тоторо», но лесной дух мгновенно стал ее самым близким другом. Совершенно другая культура стала ей ближе, чем происходящее на самом деле. Подростку такое невозможно принять, переварить без последствий. Не зря говорят психологи: все мы из детства. У Марго детство было — на три романа. Роман матери, роман отца и ее собственное видение ситуации. Отношения окружающих ее взрослых выматывали, невозможно было вечно слушать объяснения: «Ты уже взрослая, ты должна понять». Или: «Когда-нибудь ты все поймешь сама». Она устала от объяснений, устала напрягаться, устала всем улыбаться. Легче было нырнуть в свой мир. Икудзо! Только вперед!

В какой-то момент она погрузилась в японский вымысел даже слишком глубоко. Мир вымышленный стал реальнее, чем мир, который вился вокруг нее. Но Марго это нравилось. Новые друзья, яркие события. Все просто и понятно. Как классно надеть наушники и зашагать с хохотом в компании японских подростков. Родители были не против увлечения девочки. Учится хорошо, с учителями, правда, ругается, но оценки приносит только хорошие.

В последнее время все изменилось. И даже Япония отошла на второй план.

В каком возрасте легче всего пережить предательство? Наверное, это от возраста не зависело. Ей казалось, что она приспособилась к постоянным жизненным перезагрузкам. Но это было не так. Ее опять накрыло с головой. Как же она устала от постоянного вранья, от того, что никому нельзя верить. Сперва она думала, что мать ни о чем не догадывается. Вроде бы все было обычно, но, сняв наушники, она в очередной раз заметила ее заплаканные глаза и Феликса, который виновато теревил в руке вилку, ничего не ел, смотрел в сторону.

У них не могло сложиться с Феликсом нормальных человеческих отношений. Марго поставила барьер с самого начала, как только он появился в их жизни. В какой-то момент стена отчуждения могла разрушиться. Именно Феликс увидел ее способности к математике, именно он принял решение переехать в Москву. Нанял ей педагогов, сам с ней много занимался, даже Япония его заинтересовала. Да. Как говорится, от ненависти до любви... Этого не могло не произойти. В конце концов, она дочь своей матери, и в какой-то момент Марго очень четко поняла, что мать в нем нашла и почему бежала с тремя детьми от отца. Но девочка сумела поставить для себя запрет и окончательно ушла в себя. Она никак от них не зависела, ей для счастья нужна самая малость. Две пары джинсов, трое кроссовок, два рюкзака. Куртка зимняя и летняя, ветровка. Вот, собственно, и весь гардероб. Машины ей не нужно, квартиры тоже. Как только пойдет ра-

ботать, снимет себе свой угол. В этом она не сомневалась. И все. Спать будет на полу, готовить на маленькой плитке.

Когда Марго поняла, что они могут развестись, мир перевернулся. Она не могла потерять еще одну семью! Почему-то выяснилось, что это важно. Почему вдруг? Ей двадцать. Она совершенно самостоятельна. Собственно, какое ее дело? Она уже два года вела совершенно автономную жизнь. И вдруг такие эмоции! Сама от себя не ожидала. Рыдала ночами в подушку, но поговорить с родителями так и не решалась.

Когда она совершенно неожиданно на двадцать первый день рождения получила такой роскошный подарок, не нашла ничего лучшего, чем сказать:

— Сбагрить меня хотите? Чтобы проблемы свои решить?

Феликс аж позеленел, а мать все так же понуро смотрела в пол. Марго подумала: еще немного, и ее слезы застучат по модному паркету французской елочкой.

— То есть ты не поедешь? — Феликс говорил резко. Желваки ходили на бледном лице.

— Я поеду, но если вы разведетесь, то я вскроюсь.

— Как это? — прошептала мама.

— Она шутит, — с нажимом сказал Феликс.

— Я не шучу.

Но на какое-то время дом снова превратился в тихую гавань. Они опять стали одной семьей. Марго сняла наушники. Мама улыбалась и с недоверчивой

надеждой смотрела на Феликса. Он тихо накрывал ее руку своей и кивал. Мол, все будет хорошо. Верь. И они поверили обе. И надо же было как-то вернуться Марго домой раньше времени и услышать тот разговор по телефону. Феликс сказал всего одну фразу:

— Ничего не изменилось. Нужно просто подождать.

И сразу все рухнуло.

Она поедет в Японию. И у нее на эту поездку был свой план.

Рита

— Я так больше не могу.

Соня тяжело опустилась на диван.

— Она нас ненавидит.

— Ее можно понять.

— О чем ты? С какой стати?

— Пережить такой стресс.

— Мы всю жизнь на нее положили! Какой стресс?

— Я тут подумал, может быть, нам куда-нибудь съездить всем вместе?

— Я не могу, — быстро среагировала Соня. — У меня эфиры! Кто меня сейчас отпустит? Поезжайте вдвоем.

— В Крым?

— Ты что? Ты видишь, какая она, еще утопится! Нет!

— Соня, мне тоже тяжело, ее же надо развлекать, а я сейчас не смогу найти ни одного нормального слова.

— На экскурсию. Автобусные, знаешь, есть такие по Европе. Недели на две.

— А может, куда-нибудь в Азию? Я видел горящие туры по Японии. У меня премия сейчас приличная будет. Если ты, конечно, не против.

Соня напряглась: она была против, но видеть дочь в таком состоянии было еще тяжелее.

— А ты знаешь, это идея! У меня в эфире был один востоковед. Он говорил, что в Японии культ родителей, пожилых людей. Сын должен себя беречь, заботиться о своем теле, потому что ему нужно будет в какой-то момент заботиться о своих родителях в будущем. Вот такая философия.

— У них пожилые родители — это девяносто лет.

— У них пожилые родители — это от шестидесяти лет. У них там у всех счастливая старость. Это они сами с работой расстаться не могут. А так-то — отдыхай не хочу! Пусть она послушает, как у других бывает.

— А может, нам про это не расскажут.

— Так ты найди тур, где расскажут! Монастыри всякие!

Я П О Н И Я

Аэропорт Нарита

После такого перелета сложно сразу сориентироваться. Вадим перенес перелет достаточно неплохо. Может, потому что японские авиалинии? Японские стюардессы улыбались белозубыми улыбками и еду выдали заморскую и непонятную. Что-то между водорослями и мармеладом. И чай японский. И потом фильмы. Просто спасение. Три фильма — один рейс.

Вадим терпеть не мог летать. Боялся? Можно сказать и так. Никому в этом не признавался, даже себе, не хотелось быть слабым. Господи, опять подумал о молодой жене! С чего это в последнее время эти мысли все чаще приходили в голову? Он незаметно скосил взгляд на Лизу. Та на все смотрела широко раскрытыми глазами, пытаясь тут же запомнить каждую мелочь. Вот такого ребенка он в ней безумно любил. С умением радоваться, умением восхищаться самой крохотной дета-

ли. И не сомневаться. Ни в чем! Радоваться жизни здесь и сейчас. Счастливое качество. А если что не так: не медленно и безжалостно выбрасывать из головы. Вадим так не умел.

Он все обдумывал по сто раз, вникал, искал скрытые подвохи. Любые улыбки для него скорее были ухмылками. Вот, например, эти стюардессы? Зачем они им улыбались? Они же их не знали! Стало быть, не от души, а потому что так положено. Здесь еще и кланяются. В силу японского менталитета. Ох, принесла их нелегкая в такую даль! По мнению Лизы, естественно, в будущее и в сказку, а по разумению Вадима — просто в жизнь, которая к ним не имеет никакого отношения. И непонятно: зачем эту совершенно чужую жизнь впускать в свою? Хорошо Лизе, она сейчас налюбуется, потом все подробно и в красках расскажет всем знакомым. Где-то с полгодика еще будет гордиться, и потом рассказ тот уйдет куда-то в недра земли. Вадим не думал, что в недра памяти. А ему с этими знаниями жить всю жизнь. Переваривать, перемалывать. Такой характер. Такой склад ума. Ничего не в недра. Все тут, все на поверхности.

— Откуда ты про все знаешь? — удивлялась Лиза.

— Я просто помню. Ты это тоже учила в школе, но выбросила за ненадобностью. А я нет.

Паспортный контроль и таможеню прошли достаточно быстро. Им все улыбались, периодически разбивали по разным очередям, брали отпечатки пальцев. И что сразу бросилось в глаза: они не проходили через какую-

то одну очередь и барьер. Все было устроено так, что не было той самой границы. Шли себе по какому-то лабиринту. Там постоят, там поговорят, там что-то обсудят. Огромное количество японских работников, много из них молодежи, все сплошь в перчатках. Многие в масках на лицах. Про это давно известно: все японцы в масках. Про улыбку можно судить по глазам. Улыбающиеся глаза. М-да. Если человек улыбается, то он улыбается. И по телефону ведь чувствуешь: улыбается тебе сейчас человек или нет. Хоть ты его и не видишь.

Вадим был в Японии однажды с десяток лет назад. Его пригласила одна компания на переговоры в качестве эксперта-химика. Были они только в Токио. Всего-то три дня и с одной экскурсией по городу. Экскурсия, надо отдать должное, была на редкость фундаментальной и очень познавательной. Да и экскурсовод попался живой, неравнодушный. По приезду Вадим подробно поделился с женой впечатлениями. Немудрено, что Лиза загорелась поездкой. И ведь подала под соусом: ну ты же сам тогда сожалел, что не удалось по монастырям проехаться.

Ну что тут скажешь? Деньги все равно уже потрачены. К тому же они были целиком и полностью заработаны самой Лизой. Кто бы мог подумать, что тихая студентка в очках, вот так сразу решившая родить от него ребенка, в итоге добьется больших успехов в крупной консалтинговой компании, возглавит отдел и будет работать с большими химическими комбинатами? Ощущались в Лизе хватка и упорство. И некий авантюризм,

который помогал ей двигаться дальше и не заикливаться на неудачах.

— Что мы ищем?

— Должен быть встречающий. Вот, смотри. — Лиза достала распечатанную памятку с их маршрутом. — Написано: водитель — японец с табличкой. На табличке ваше имя.

— То есть нас отдельно будут встречать? Индивидуальный трансфер ты заказала?

— Я уже не помню, что я заказывала. Полгода назад было. Они мне буквально пару дней назад прислали программу. Я толком и не прочитала.

— Хорошо. А договаривалась-то ты как?

Лиза занервничала. Вадим попытался было поставить жене на вид ее удивительную безалаберность. Он любил «ставить на вид». То есть указывать, где была конкретная ошибка. «Какой ты все-таки зануда», — периодически шипела на него мать. «Ну почему зануда? Просто в делах должен быть порядок, так легче жить», — отвечал Вадим.

— Как-как? — повысила голос Лиза. — Давно же было, говорю. Как-то договаривалась. Ладно... Что уже говорить. Ищем японца!

— Да, японца тут, конечно, найти непросто.

Он видел, что Лиза нервничала. Действительно, где тут найдешь японца среди огромной толпы японцев? И как понять, что он водитель? Лиза начала бегать от одного японца к другому, пытаясь рассмотреть, что написано на табличках. Встречающие японцы, так прямо

скажем, не очень жаждали встречи со своими гостями. Они весело общались между собой, опустив таблички, и туристы, сновавшие вокруг, вынуждены были порой присесть, чтобы прочитать свои фамилии. Фамилии «Коновалов» не находилось.

— И что? — В Вадиме порой просыпался страшно вредный человек. Мать права.

— Что-что... Сама не знаю!

— Ну, может там телефон есть?

— А ты сам посмотреть не можешь?

— Давай, — снизошел Вадим. Ему вдруг безумно стало жаль Лизу. Вся красная, уже и слезы в глазах. И чего он к ней пристал? Они уже на месте. Как там Будда говорит? Самое главное — спокойствие? Или это не он так говорит? Но слова верные. Однозначно.

— Подожди, мне кажется, вот этот. Новенький бежит. У него только что-то на бумажке целый список. — Лиза издали пыталась рассмотреть фамилии.

— То есть у нас группа?

— Ой, не знаю, отстань... — И Лиза рванула к небольшому кривоногому японцу в бежевых брюках, синем пиджаке, белой рубашке и в галстук. Он утирал пот со лба каким-то листочком, исписанным мелкими буквами.

— Коновалов! Коновалов! — Лиза начала с места в карьер. Да, это у нее получается. Она умеет тут же и без лишних слов. Сразу про главное. И сразу с напором.

Японец нацепил очки и стал водить пальцем по списку.

— Ес! Коновалов. — И сделал двумя руками знак с поклоном. Мол, вам сюда. Встанете здесь.

К японскому мужику уже бежали другие неапонцы со своими бумажками.

— Нас еще посмотрите. Антоновы мы. Данилевич.

Японец всех находил на своей бумажке и выстраивал в уголок. Один раз улыбался для каждого, а потом надевал на лицо непроницаемую маску самурая.

Лиза затихла. Выяснилось, что тур совершенно не индивидуальный. Пока в углу толпились шесть человек. Оставалось только ждать дальше. И сколько еще народу в этом чудесном списке?

Вадим еще раз попытался расстроиться и, возможно, даже поставить жене что-нибудь на вид, но опять вспомнил про Будду. Ну что же делать? Они уже здесь. Двенадцать часов отлетали. Не обратно же ехать? Вдруг это просто трансфер до отеля? Японцы же. У них все просчитано. Отвезут в отель, а там все разбредутся по своим маршрутам. Главное, это как-то до того отеля добратся. Сказывались бессонная ночь в самолете и разница во времени. Хотелось уже вытянуть ноги и немного полежать.

В самолете Вадим подробно изучил программку, которую распечатала Лиза. У них сегодня экскурсия начинается в пять вечера. Прилетели они в десять утра. Как хорошо, что никуда сейчас идти не нужно. Можно просто отдохнуть, чтобы потом с новыми силами погрузиться в Японию. Грамотно. Очень грамотно! Он постарался расслабиться и посмотреть по сторонам.

Японские таксисты по-прежнему веселились между собой. Рядом с ними метались туристы с европейской внешностью, пытаясь найти своего японца и как-то запомнить его внешность. Да уж. Задача. А говорят, что мы для них тоже все на одно лицо. Вот ведь интересно получается!

Аэропорт ничем особенно современным не отличался. В свой первый приезд Вадим вообще не успел ничего заметить. Тогда их встретили и тут же проводили к машине. «Мерседес» вез их долго и нудно по страшным токийским пробкам. Вадим надеялся, что сегодня пробок не будет.

Серый аэропорт, на стенах которого мелькала в основном реклама унитазов. Ну да, это понятно. Все после поездки в Японию первым делом восторгаются унитазами. Еще и стройка кругом. Ах да, олимпиада же, японцы не должны ударить в грязь лицом. Вадим вспомнил, что они вот так же перед олимпийскими играми были в Афинах. Буквально за пару месяцев. Весь город стоял в траншеях, как перед войной. Удивительное рядом! К открытию все было идеально. Что уж говорить про Японию? Японцы снова готовятся удивить мир.

Они стояли маленькой кучкой соотечественников, не очень понимая: им уже нужно начинать знакомиться или это далеко не обязательно? Лиза попыталась улыбнуться мужу. Вроде бы Вадим успокоился. У нее действительно сердце ушло в пятки, когда она поняла, что таксиста поблизости не видать. Ну что делать? Тур она проплатила давно. А когда выбирала, так ра-

довалась, что в детали особо и не вникла. Тогда думалось про то, чтобы денег хватило. И про то, что денег тех очень жалко. Лиза больше всего обрадовалась, когда мужу подарок по душе пришелся. Мог бы ее с этим самым подарком и развернуть. Вадим мужик прямой. Интеллигентный, но прямой. Так бы и сказал, долго вздыхая и откашливаясь: «Я, конечно, тебе благодарен. Нет, ну то есть очень прямо благодарен, но ты уверена, что это нам нужно?» К счастью, подарок он принял с широкой улыбкой.

А потом Лиза как-то закрутилась, завертелась, неделю назад вспомнила, что и программы никакой нет. Даже хотела в офис турагентства подъехать и все подробно разузнать. Но в турфирме заверили: не волнуйтесь, все пришьем. И ведь прислали. Все красиво. Ну, она и успокоилась. Вот билеты. Вот ваучеры. Лететь двенадцать часов, все можно прочесть. Но в дороге программку забрал муж. Она думала, тот все узнал. Ну ведь какой все же вредный! И теперь стоит себе спокойно. Господи, ну кого еще ждем?

— Мужчина, — громко спросила у японца статная пожилая дама с седой гулькой на голове из их могучей кучки. — Мы еще тут долго стоять будем? Уже лечь хотелось бы. Прилечь, говорю, в гостинице. — Женщина жестами начала демонстрировать, как она будет ложиться. Руки под голову сложила и ноги в коленках согнула. Японец оказался понятливым.

— Ес, ес... — И показал на список. Все вытянули шеи, вглядываясь в написанное. У японца в списке был

полный порядок. Все обведено желтым маркером, но кое-какие фамилии еще были не отмечены.

— Так, у меня очки в рюкзаке. Снимать, говорю, рюкзак неохота. — И она постучала себя по спине. — Че он там талдычит? — Она развернулась к Лизе.

— Вроде не все еще пришли. Ждем кого-то.

— Так уж полчаса ждем. Может, пойдем? И что за люди? Почему мы обязаны их ждать? Это мы теперь их все время ждать должны? Пойдемте уже! — последнюю фразу она крикнула для японца.

— Ноу, ноу! — Несколько раз, улыбаясь, поклонился японец и опять превратился в самурая.

— Ну, как знаешь. Меня зовут Инесса Васильевна. Можно просто Инесса.

— Лиза, а это мой муж Вадим.

Сбоку подошел парень. Он не представился, но Лиза заметила его еще в аэропорту. Того провожали до самого паспортного контроля родители. Молодые, модные, симпатичные. Она обратила внимание на маму. В черном тренче, мокасины на босу ногу. Периодически гладила парня по плечам. Лиза была уверена, что они летят вместе. А потом оказалось, что его провожают. Надо же, как приятно. Вместе приехали своего мальчика проводить. Сколько ему? Лет восемнадцать. Потом, взявшись за руки, все махали ему.

— Куда ты все смотришь? — одернул ее муж тогда на паспортном контроле.

— Так. Интересно. Провожают.

— И что?

— Сегодня редкость. Никто не провожает. Никто не встречает.

— Да, ты права. А раньше принято было. На вокзале, в аэропорту. С букетом цветов. Да, ты права. Они молодцы.

Паренек улыбался какой-то своей внутренней улыбкой. Думал о чем-то и не обращал внимания на суету Инессы. Та поворачивалась во все стороны, постоянно задевая соседей огромным рюкзаком.

В руках женщина держала увесистую дорожную сумку. Она то поднимала ее, то ставила на пол.

— Парень, а ну-ка подмоги.

Лиза — мама мальчика. А мама мальчика отличается от мамы девочки. Ей всегда мальчика жалко. Например, сейчас перед ней стояла пожилая женщина. Она попросила помочь молодого парня, который, кстати, тоже был с рюкзачком за спиной и небольшим чемоданчиком на длинной выдвижной ручке. Что такого, почему не помочь?

Но с другой стороны... С какой стати? Лиза сама никогда никого не напрягала и не любила, когда напрягают других.

Она это называла: осчастливить человека чужими руками. Вот почему женщина не взяла чемодан? К чему все эти рюкзаки и сумки? Почему кто-то должен за нее их носить? У каждого своя жизнь. Люди же на отдых приехали, а не носить вещи Инессы. Ну и просто жалко было паренька. Да, она, конечно же, мама мальчика.

— Нет, ну сколько можно ждать?

Николай стоял рядом с туалетом, а Рита все не выходила. Наконец девочка появилась. Голова опущена, длинные кудрявые волосы спутались после полета. Отец взял дочь за подбородок и убрал волосы с лица.

— Ну что ты? — Глаза девочки распухли, было ясно, что плакала.

— Я не знаю, как мне с этим жить, мне теперь эта жизнь непонятна, как будто она мне и не нужна теперь... — Рита опять разревелась.

Мужчина быстро прижал ее к себе.

— Это ты брось! Все будет хорошо. Обещаю тебе. Верь мне. Мы вместе. И мама с нами. Ты такая красивая, такая умная, у тебя еще вся жизнь впереди. А сейчас давай настроимся на Японию, на красивые сады, на совсем другую жизнь. И мы же поедem к монахам. И мы обязательно поговорим с ними. И обо всем еще и там попросим. Они нам помогут. Я много об этом читал. Они помогают всем хорошим людям. А ты же хороший человек?

Рита слабо улыбнулась.

— Не знаю. Наверное...

— Ну, тогда бежим!

— Да вон они, бегут!

Взявшись за руки, к ним бежали двое. Молодой подтянутый мужчина и белокурая девочка лет двенадцати.

— Извините. Мы Селиверстовы. Николай и Рита.

Японец поклонился, взял чемоданчик у девочки и, указывая путь рукой, побежал, покотив чемоданчик за собой.

Группа, едва поспевая, кинулась за японцем. Первой бежала Инесса.

— Парень, сумку не забудь. Ишь ты, извините. Тоже мне... «Папа Риты».

Кличка мгновенно приклеилась. Все десять дней их так и будут звать. Рита и папа Риты.

Гиндза

Токио встретил российских туристов проливным дождем. Ветер, неприятная морось, серое небо. По прогнозу погоды дождь обещали только на первый день, все остальные дни — солнце. Дай-то бог. Или тут уже Будда?

— Вадя, а Будда — это как наш Бог?

— Ну он Бог, но он вроде бы человек. Он всегда среди нас, внутри нас. То есть Будда — это скорее философия. Я не очень-то разбираюсь.

— Ну ты же вроде Ницше читаешь.

— Думаю, что здесь мы во всем как раз и разберемся. Вадим улыбнулся Лизе.

— Я благодарен тебе за эту поездку. Я вдруг понял, что мне все это очень интересно.

— А я удивляюсь, что это ты не возмущаешься особо? Оказывается, ты понял, что это совсем даже не плохо.

— И перелет позади, если уж начистоту.

— И перелет позади. А десять дней одной Японии впереди! Ура!

Их гостиница располагалась рядом с самой известной улицей Гиндза. Лиза об этом знала, но сейчас ничего не радовало. Усталость, дождь, хотелось в гостиничный номер. Их микроавтобус, статусный черный «Мерседес», остановился у небоскреба. Водитель сказал по-английски:

— Седьмой этаж. Вам нужно ехать на седьмой этаж.

Как смешно они говорят по-английски! Как будто по-японски. Но понять можно. Это весь небоскреб гостиница, что ли? Ах, нет же. Рядом с каждой кнопкой лифта — иероглифы, иероглифы. Видимо, тут если и гостиница, то не одна. Нужно не забыть, их этаж — седьмой.

Группа поднялась на двух лифтах к месту нахождения отеля. Длинная стойка, за ней человек пять японцев синхронно и достаточно холодно им улыбнулись, синхронно поклонились и попросили паспорта. В холле гостиницы не было ни одного кресла или дивана. Абсолютно пустое, но достаточно большое помещение. Одна стена полностью стеклянная, рядом с ней искусственное дерево в желто-красных листьях, видимо, указывало на сезон, чтобы человек не запутался. Вышел из номера отеля, кто его знает, что там на улице: зима, лето, а тут посмотрел на дерево... и все ясно! Ба! Так сейчас же осень! Сезон красных листьев! Посередине помещения — какая-то инсталляция, обрамленная в гранитный полукруг. Наверное, этот полукруг и был диваном. Лиза со смехом комментировала увиденное. Главное, они на месте. Молодцы японцы! Дерево, вид

из окна. Посередине — вот это «не понять что». Или это отель для молодоженов? А им зачем по сторонам глядеть? Увидел инсталляцию и бегом в номер. Из номера вышел, по дереву определил, что за окном, и дальше побежал. Что еще нужно?

Уставшие туристы присели на холодный камень, пока японцы дотошно рассматривали каждый паспорт, показывали друг другу. Когда очередной паспорт попадал в руки пятого японца, он бежал с ним за загородку и выбегал еще с одним японцем, который что-то короткими предложениями объяснял работникам. Те кивали с удивлением и с благодарностью. И так по каждому паспорту. В итоге один из работников вышел из-за стойки ресепшен, поклонился и начал раздавать бирки на чемоданы.

— А номера?

— Заселение с 14.00.

— Сейчас одиннадцать утра. Может быть, хоть какие номера готовы?

С улыбкой и поклоном ответил:

— Заселение с 14.00.

Тут уже не выдержал Вадим:

— Но ведь возможно, что номера будут готовы раньше?

Японцы улыбались и совершенно не понимали, о чем говорят эти люди. А русские люди не понимали их. И только потом до всех дошло. Те номера, наверное, уже и готовы. Только какое это имеет значение? Если заселение в 14.00? Никакого...

Долго клеили бирки на чемоданы. Сотрудники отеля вдвоем, иногда втроем, отвозили их куда-то.

И факт оставался фактом. Придется гулять под практически проливным дождем. Группа была несколько обескуражена. Где-то нужно взять силы. А еще зонтики.

— Так, зонтики? — вопросительно посмотрел на Лизу муж.

— У нас есть. Два, — откликнулась Лиза. — И попроси у них карту. Будем гулять.

На выходе из отеля им улыбнулась милая пара.

— Вы русские? — спросили они на их родном языке. — Наверное, мы из одной группы.

— Да, русские. Нет, что вы, у нас совершенно другая группа.

И, раскрыв зонты, Вадим и Лиза отправились исследовать самую известную улицу Токио.

Гиндза. Знаменитая торговая улица Токио. Во всех путеводителях упоминалась именно она.

— Я читала, что в переводе Гиндза — это серебряный цех. Наверное, здесь ювелиры раньше жили? И совершенно точно, что здесь был монетный двор, выпускавший серебряные монеты. Ну да, все сходится. Покупали монеты, ковали из них украшения. Продавали, вот тебе и история улицы. Пошли искать знаменитый магазин «Вако» с курантами Хаттори. Их построил основатель компании Seiko. На фотографиях выглядели впечатляюще и совершенно выбивались из всей архитектуры.

Проливной дождь, вода под ногами. Неизвестно, куда было смотреть: по сторонам или под ноги. Хоть запасная обувь в чемодане и присутствовала, но как-то сразу начинать с мокрых ног не хотелось. В голове шумело, магазины не вдохновляли, хотелось только одного — спать. Ну и немного есть.

Как можно рассматривать город в дождь? В проливной дождь? Ох и хитрые же эти японцы, у них практически все зонты прозрачные. Это ведь как удобно.

Лиза периодически опускала свой зонт, чтобы посмотреть наверх, дотянуться взглядом до верхушек небоскребов.

— Смотри, все здания разные. Никакой концепции. Понатыкано без разбору. Цвета разные, материалы разные.

— Мы в прошлый раз тут были в хорошую погоду. Тогда у меня как раз сложилось впечатление чего-то радостно блестящего, металлически стеклянного.

— Ну и где? Где это все стеклянное? Есть, конечно, но как-то все без общей концепции.

— Ты просто устала. — Но в душе Вадим был согласен с женой. И правда не было красивого проспекта. Пестрящая витринами улица с разновеликими небоскребами. А вот и знаменитые часы. И тоже здание как будто неизвестно, как сюда попало. Необъяснимо неуместное!

Они забрели в какой-то торговый центр, поднялись на самый последний этаж. Понятно, что этаж был посвящен еде. И как разобраться?

В прошлую японскую поездку Вадима за руку водил гид. И по этой самой Гиндзе в том числе. Но как тут все упомянуть? И лет прошло немало, и информации море.

— Что ты ел в прошлый раз?

— Угря.

— Вкусно?

— Божественно!

Они зашли в небольшой ресторан, который им показался симпатичным, заказали блюда по картинке.

— Наш гид в прошлый раз сказал, что тут вся еда вкусная и очень качественная. Не важно, какой ресторан, не важно, что заказывать.

— Ну да, но все же хотелось бы понять, что ты ешь.

По-английски персонал ресторана разговаривал туго, но еду им все-таки принесли. В итоге все оказалось совсем не так. И достаточно дорого. Но опять же от усталости они мало что соображали.

А потом пытались гулять по мокрым улицам. Вадим больше смотрел на дома, ему почему-то совершенно не мешали дождь и зонтик. Может, он был уверен в своих горных ботинках? И куртка непромокаемая. Он видел, как напряжена Лиза, как ее все раздражает. Вот вроде и моложе, позитивная всегда, а какой-то дождь полностью выбил ее из колеи.

— Все, не могу больше по улицам ходить. Давай в этот магазин найдем?

Магазин был посвящен бумаге. Ну это же надо! Одиннадцать этажей бумаги. Первый этаж — открытки, второй — календари, третий — блокнотики... И так

далее. И на каждом этаже какое-то удивление, что-то яркое, новое, необычное. И не сказать, чтобы они были поклонниками закладочек, но эти разноцветные бумажки их буквально загипнотизировали.

— Ну что, я готова выпить кофе с десертом. Ты как?

— Я только «за».

В кафе Лиза выбрала себе десерт, и официантка отказалась принести ей кофе. Просто наотрез. На ломаном английском женщина пыталась объяснить, что этот десерт обязательно нужно запивать зеленым чаем.

— А если с кофе?

— Нет, кофе сюда не подходит. Вы испортите весь вкус. Он потеряется.

— Ну, хорошо, несите чай!

Они неторопливо ели странную и совершенно непонятно сделанную еду: не то водоросли, не то мармелад. Все как-то пахло рыбой. Вид из окна открывался на Гиндзу. По проспекту бесконечной толпой шли красивые люди. Почему красивые? Необычно одетые. Каждый в чем-то своем, каждый не похож на другого. Мужчины с крашеными волосами, женщины в шляпках ретро: все улыбались и радостно беседовали друг с другом.

Лиза почему-то думала, что японцы молчуны, все в себе, ходят с калькуляторами, смотрят в пол. Таким она себе нарисовала этот народ в своем воображении. Нет, тут все заинтересованно глядели по сторонам, били друг друга по плечам, хохотали.

— Надо же, какие жизнерадостные.

— А почему им не радоваться жизни? У них все хорошо. Уверенность в завтрашнем дне.

В углу сидела пара подружек. Лиза залюбовалась, глядя на них. Две женщины лет сорока что-то подробно и откровенно обсуждали. Может, мужей? Или детей? Свекровей? И при этом они так смеялись, ну просто чуть со стула не падали. Симпатично одетые. Шикарные черные волосы. Далеко не красавицы, но очень уверенные в себе. Женщины, совершенно лишённые комплексов.

Как же хорошо, что кафе располагалось на втором этаже. Вся Гиндза как на ладони. Пусть хмурая, в зонтиках, но все равно, наверное, это правильно начать знакомство со страной вот с такого взгляда со стороны. Даже сквозь пелену дождя.

- Посмотри, — Вадим кивнул на лестницу.
- Ритин папа. Пригласим за столик?
- Почему нет?

Лиза тут же замахала руками. Кислое лицо испарилось. Удивительное качество, которым всегда восхищался Вадим. Или все же возраст? Опять мужчина подумал про возраст. Он физически ощущал неумную энергию жены и понимал, что не соответствует. Ему все стало лень. Даже эта японская поездка повергла его сначала в шок, потом он расписывался. Было ощущение, что его обвели вокруг пальца. Он просто приказал тогда себе успокоиться. Лиза никогда не устраивала истерик: обычно она удивленно замолкала. Но она умела делать так, что уже через час он сам бежал извиняться. Эти ее

прищуренные глаза, сжатые губы и уход в другое помещение: кухня, ванная, спальня. Как немой укор. Да. Для него с годами стало важным, чтобы она всегда была рядом. В поле зрения. Они вполне могли заниматься своими делами, но рядом. И наушники никогда не надевали. В их семье это было табу. Да, про разницу нужно было думать двадцать лет назад, когда он охмурял свою аспирантку. Вроде как он и не сильно охмурял. Он потом долго еще задавал себе вопрос: он женился потому, что Лиза была беременная, или потому, что мама что-то в ней такое разглядела? Ей хватило одного цепкого взгляда, чтобы направить его: «А знаешь... Она тебе подходит. Заметь, я не сказала, что она мне нравится».

— Идите к нам! — Лиза оживленно замахала руками.

Мужчина с каким-то явным облегчением начал протискиваться через плотно стоящие столики. Девочка, как на привязи, шла за ним, особо даже не глядя по сторонам. Устали. Все очень устали.

— Уф, спасибо. Мы уже без ног, без сил, ничего не соображаем. Сейчас куртки повесим.

— Я Николай, а это — Рита.

Вадим с Лизой представились в ответ, мужчины тепло пожали друг другу руки.

— Ритусик, давай.

Ритусик, глядя в пол, сняла куртку, но при этом улыбнулась.

— Замучилась? — Лиза слегка погладила девочку по плечу.

— Да, это же надо, погодка! — Рита в первый раз подняла на них глаза. Еще не сформировавшийся гусенок обещал с годами стать прекрасным лебедем. Длинные кудрявые белокурые волосы, белоснежная кожа. И ростом уже с Лизу, ноги от ушей, узкие бедра и плечи. Хорошенькая.

— Экскурсия в пять, еще успеем немного полежать. Хорошо, что группа небольшая.

— Так это только часть группы. Мы же японскими авиалиниями летели. За нами еще «Аэрофлот». С этого рейса тоже сколько-то человек к нам присоединится.

— А это откуда известно? — поперхнулась Лиза.

— Так горячий же тур! А у них всегда так. Когда понимают, что билеты проданы не все, начинают объединять, добавлять. А ведь кто-то за полную стоимость этот тур покупал.

Вадим метнул взгляд на Лизу. Лиза этот взгляд поняла. Сколько лет можно бояться мужа? Они уже здесь. И изменить ничего нельзя. Значит, группа. Возможно, большая. Ну, подумаешь, будет их человек двенадцать. Уж как-нибудь разберутся, куда деваться.

Лиза любит узнавать новых людей. И вот эти двое ей были совсем непонятны. Что это за отношения такие? Она хорошо себя помнила подростком. Для нее тогда главным человеком был отец. Куда-то с ним пойти — всегда праздник. А уж общая поездка! Об этом можно было только мечтать. Отец всегда был занят, но для дочери находил время. Хотя бы полчаса в день доверительных разговоров. Мама относилась к этому с по-

ниманием. «Ладно, ладно, секретничайте». — И она, прикрыв дверь, уходила на кухню заниматься готовкой. Или просто читала книгу. Мать не всегда отличалась мудростью и тактом, но тут все делала совершенно верно. Как будто знала, что папа уйдет из этой жизни очень рано. Слишком рано. Пятьдесят три года. Разве это возраст для женщины? Тогда для них с мамой земля разверзлась под ногами. Как жить? Как жить без пригляда, без советов, да и с деньгами стало туго. Лиза кинулась в отношения «мать и дочь», которые ей были непривычны. Мама всегда маячила за спиной отца и просто кивала, улыбаясь. Но она дочь в тех отношениях не поддерживала. У нее было свое горе, ей казалось, что у Лизы все еще впереди, а вот она навсегда осталась одна. «Что я могу тебе дать? Я — отработанный материал. Карабкайся. Ты в отца, у тебя получится», — говорила она. Лиза тогда обиделась и рванула в Москву. И только много лет спустя поняла, как мать была права. Девушка многого добилась в жизни. Благодаря тем ее словам. Научилась брать на себя ответственность. И ребенка без мужа рожать было не страшно, она знала — справится. Зато родит от любимого человека. И потом, уже двигаясь по служебной лестнице, она всегда смело принимала решение, а если ошибалась, то это была только ее ошибка. Мать вышла замуж через полгода. Еще одна ее обида. Обида и полное неприятие.

Надо же, куда она улетела со своими мыслями. Нет, это какие-то странные папа и дочка. Она сначала